

Алексей Попов

ВОЛШЕБНИК

18+

Денис Рогалев

волшебник

«Автор»

2026

Рогалев Д. В.

волшебник / Д. В. Рогалев — «Автор», 2026

Волшебство - как уникальный дар. Волшебство - как божественная игра. Волшебство - как опыт автобиографии.

© Рогалев Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ВОЛШЕБНИК

Глава

1

...Впрочем, коль скоро вы заглянули в эти страницы оно вам известно.

Худощав, высок ростом, светловолос, кареглаз, на подбородке примечательная ямочка. Тридцать лет. Впереди целая вечность. И так уж вышло – настоящий волшебник.

Без дураков...

Взгляните на этого молодого человека в высоких красных кроссовках с длинными шнурками, забавных синих штанах, в голубой футболке с улыбающейся рожицей на груди и лёгком чёрном пиджаке – скажите ли вы, что он наделён фантастическими способностями? Едва-едва... А меж тем о том, что я волшебник мне доподлинно стало известно в семь лет.

Детство своё я провёл на дальневосточном полуострове в портовом городе, притаившемся на берегу бухты среди сопок и вулканов. Тогда мне казалось, что во

всём мире нет человека счастливее меня. В истинности данного предположения, как и в том, что я буду жить всегда, я не сомневался ничуть и готов был поспорить с любым, кто думал иначе. В чём состоял секрет моего счастья, спросите вы? Просто я чувствовал себя самым счастливым и всё тут. Я никогда и никому не завидовал, имел всё, что хотел, а именно – мою голову и то, что в ней умещалось. И умещалось в моей голове, спешу вас заверить, много-много всякой всячины. Среди других детей я особо не выделялся: ходил в детский сад, играл с друзьями во дворе, любил рисовать в альбом и смотреть по телевизору мультфильмы. Каких-то явных талантов во мне тогда не наблюдалось.

— Если бы тебе дали волшебную палочку на единственное желание, чего бы ты попросил? — как-то поинтересовался у меня мой друг Сашка.

— Я бы пожелал стать волшебником, которому не нужна палочка, — подумав, ответил я. Сашка засмеялся, сказав:

— Это итак понятно раз уж ты волшебник. Любой бы так поступил. Вот я бы первым делом наколдовал себе коробку клубничной жвачки.

Я не стал возражать (против клубничной жвачки не поспоришь).

Стены моей детской комнаты были увешаны рисунками с космонавтами, разноцветными наклейками, фотографиями туристов, картой солнечной системы с эллипсами планет и календарём за восемьдесят девятый год с Микки Маусом в красном халате и синем колпаке волшебника из музыкального мультфильма «Фантазия». Я любил, лёжа перед сном в постели, разглядывать этот календарь с застывшим в торжественной позе, подобно дирижёру, на вершине скалы Микки Маусом, жонглирующим руками в белых перчатках горстью звёзд и полумесяцем. Мне становилось как-то спокойно и уютно от мысли, что в углу моей комнаты у задёрнутых штор сияют и блестят такие ручные звёзды и месяц. Момент волшебства, запечатлённый на календаре, воспринимался мною едва ли не буквально, почти на физическом уровне, как если бы я сам держал в руках и жонглировал небесными телами. Сей трюк, я за восемьдесят девятый год проделывал многократно, ощущая в ладонях лёд и пламень приручённого мною космоса. За окнами металась пурга, обелившая ночь мириадами стремительных снежинок, сквозь пелену которых также уютно мигали красные огоньки на вершинах трёх исполинских труб, возвышающихся над судостроительной верфью, и я медленно засыпал под гул пурги, минув зыбкую границу между явью и сном, взлетая на вершину самой высокой скалы, чтобы облачиться в красный халат и синий колпак волшебника.

Очень часто моя комната превращалась в целую вселенную, вмещавшую в себя придуманные мною на ходу миры и сказочные царства, которыми я управлял по своему усмотрению. Половину комнаты загромождали накрытые простынями стулья, служившие тайным убежищем с системой хитроумных лабиринтов, ведущих к солнечному окну, другую половину охранял длинношей брахиозавр, созданный мною из стула и длинной доски, достававшей до потолка, в компании двух маленьких, но очень отважных роботов-трансформеров – синего и зелёного, – бороздивших просторы вселенной в поисках новых планет, на которых я водружал красные флаги моей игрушечной отчизны. Я творил новые миры, помещая их в свою голову. Тогда я изобрёл формулу, которая меня осчастливила. Однажды во время игры я попытался вообразить себе все предметы и явления, какие только есть на свете, чтобы закрепить их в своей голове: машины, дома, улицы, сладости, игрушки, самолёты, животных, людей, природу, вулканы, сопки, океан и многое-многое другое, что я знаю и даже то, чего не знаю. Предметы и явления легко умещались во мне, оставляя простор для новых сокровищ. Я продолжал фантазировать, воображая себе предметы и явления, которые вообще не существуют и никогда не могли существовать. Питая пристрастие к ярко-жёлтому цвету, я предположил сотню, тысячу, миллион цветов отличных от жёлтого, но способных меня возбуждать ничуть не меньше. Новые цвета, новые запахи, новые вкусы и ощущения. Всё больше и больше. Всё во всём. И даже больше. Совершенствуя свою формулу счастья, я испытывал такую радость, будто и впрямь обладал всеми этими предметами, управлял всеми этими явлениями. Наблюдая за окружающим меня миром, я сообразил, что моя формула имеет лишь положительные стороны, где нет места злу и грязи. Я исправил данное упущение, наполнив формулу новыми нюансами, добавив к ней понятия добра и зла, и другие понятия, о которых люди не имеют никакого представления. Моё воображение упражнялось в бесконечности, погружая меня в совершенно неведомые миры, навсегда становившиеся частью меня самого. Я фиксировал события и давал им альтернативу, двигаясь сразу в нескольких направлениях. «Я волшебник, — говорил я себе, обыгрывая бесконечное число бесконечностей. — В моей голове есть абсолютно всё». Подпрыгивая от распиравшей меня радости, я смотрел на мир вокруг себя и улыбался, понимая, что есть и другие миры, которые, безусловно, существовали в моей голове – ведь я уже допустил возможность их существования. Формула счастья работала безотказно, с какой бы стороны её не обыгрывал.

От умственного перенапряжения, спровоцированного глубоким погружением в суть формулы, у меня случился сильный жар. Ночью я бредил, через силу жевал бутерброды с мёдом и улетал в холодный космос. Я поднимался над фонарями в чёрное небо за окном и болтался в необитаемом пространстве где-то между Землёй и мерцавшими звёздами. Временами я возвращался в свою постель, чтобы увидеть в окне другое окно, горящее электрическим светом в доме напротив. «Наверно, там тоже кто-то заболел, поэтому не спит», — думал я, проваливаясь в бездну. Наступил момент, когда в космосе мне стало невыносимо одиноко. Я испугался, зависнув в чёрном пространстве. Тогда-то я заметил лицо, улыбнувшееся мне через толстое стекло громоздкого скафандра, какие я видел на картинках у космонавтов. Лицо приветливо приближалось ко мне, давая понять, что бояться нечего, что я здесь не одинок. Я смотрел на улыбающееся лицо, а лицо смотрело на меня.

— Как твои дела? — спросил меня космонавт.

— Я заболел, — сказал я. — Температура высокая.

— Я знаю, — отозвался космонавт. — К утру ты поправишься.

— Скорее бы утро, — ответил я, увидев поднимающуюся откуда-то сбоку голубую Землю.

Лицо в скафандре мне сказала:

— Это ты здорово придумал: всё во всём и даже больше большего.

Потом мы попрощались. А к утру, как и обещал космонавт, я поправился.

Говорят, если ребёнок летает во сне, значит, он растёт. Следуя этому утверждению, спешу заверить вас, что я настоящий великан. Я летаю с детства. И летаю по сей день. Я давно определил для себя любимые позиции в небе, которые помогают сделать мой полёт более комфортным и увлекательным. Высота пугает новичков, но только в самом начале. К высоте привыкаешь быстро, и в какой-то момент вдруг осознаёшь, что не можешь жить без высоты - не можешь жить без полёта. Я летал во сне, купаясь в облаках, парил над сопками и океаном, наблюдая под собой игрушечные дома. От ночи к ночи я прибавлял в росте, фиксируя красным фломастером на детском метраже покорённые мною сантиметры. Однако я хотел летать и днём (в любое время, когда мне захочется). Я смотрел на шумящие в вышине макушки деревьев и с щемящей тоской воображал, как будут щекотать они мой обнажившийся в полёте живот. Прогуливаясь по крышам пятиэтажных панельных домов и лазая по водонапорным бакам, я подходил к самому краю, чтобы заглянуть в бездну. Таким способом я боролся со страхом высоты, силясь его преодолеть. Во сне я чётко ощущал границы этого страха, когда достигал именно высоты пятиэтажного дома, но стоило мне подняться выше леса телевизионных антенн, мой страх пропадал и становился чем-то абстрактным, когда дома подо мной, водонапорные баки, улицы и деревья, превращались в игрушечный макет, над которым я парил, что называется, без страха и упрёка. Летал я точь-в-точь как плавал. Разве рыбы не летают, пронзая водные массы? Я летал по-собачьи, по-лягушачьи, вольным стилем, на спине, брассом и баттерфляем. Моё умение летать часто помогало мне во сне избежать угрозы, как скрытой, так и явной. Я делал быстрый разбег по открытой дороге и отчаянно разводил руками широко в стороны, будто плыл в озере или в море, после чего подпрыгивал на пружинистых ногах и отрывался от земли, довольно быстро равняясь с крышами пятиэтажных домов. Монстры, которые долго меня преследовали, оставались с носом, обращаясь подо мной в безобидных лилипутов. Страх отступал, а я поднимался всё выше и выше, достигая кучевых облаков. Я кружился в небе волчком и как штопор ввинчивался в рыхлые тучи; я летел стремительной стрелой, вонзаясь, словно в гигантскую подушку в тёплые воздушные массы; я зависал в вышине и как морская звезда расправлял широко в стороны руки и ноги. Я усвоил определённые позы, которые позволяли улучшить в полёте аэродинамику моего тела и добиться мастерства в ловкости по управлению полётом. Когда я вытягивал руки по швам и выпрямлял носки ног, моя скорость резко возрастала до грохота в ушах. Если я вытягивал руки от плеч, моя скорость, напротив, спадала, и я зависал. Стоило мне поджать колени к животу и обхватить их руками, как я начинал быстро кувыркаться в воздушных потоках.

О, как же мне хотелось проделать все эти кульбиты не во сне, а наяву!

Я живо представлял себе, как вхожу в комнату родителей и признаюсь маме, лежащей с книжкой на диване, что я умею летать. Мне всегда хотелось узнать реакцию мамы на моё такое странное признание. Как она себя поведёт? Какотреагирует, что скажет? Меня интересовали детали и подробности. «Надо говорить и действовать прямо, — решил я. — А там будь, что будет».

Я вошёл в комнату к маме — она лежала на диване и читала книжку. Отлично: всё идёт по плану, как я и думал!

— Мам, я хочу открыть тебе свой секрет, — сообщил я шёпотом, замерев на зелёном ковре посреди комнаты. — Я никому никогда о нём не рассказывал, но тебе сейчас скажу.

— Скажи, — попросила мама, прикрыв книгу. Я помедлил, оглядевшись по сторонам (не подслушивают ли нас?), после чего сделал своё признание:

— Я умею летать.

Мама снисходительно улыбнулась.

— Если летаешь во сне, значит, растёшь наяву, — сказала она.

— Весь фокус в том, что я летаю не только во сне, — поправил я маму, стоя перед ней по струнке смирно, как человек, приготовившийся к прыжку. — Я могу полететь прямо сейчас. Показать?

— Ну, покажи, — ответила мама.

— Пожалуйста, — сказал я, зажмурив глаза и вытянув шею. Мои ноги медленно оторвались от зелёного ковра, и я завис в воздухе между потолком и полом. Я открыл глаза, чтобы убедиться в свершившемся на маминых глазах беспрецедентном случае левитации. С вытянутыми по швам руками, ладонями и шеей я парил в воздухе в луче солнечного света, миллиардом пылинок вертящемся из-за задёрнутых занавесок на окне, не ожидая сам от себя такой прыти. А уж как мама не ожидала, и говорить нечего!

— Я, наверное, сплю! — воскликнула она, вперив в меня испуганные глаза. Книжка, которую она читала выпала из её рук. Я сменил вертикальное положение своего тела на горизонтальное, перевернувшись животом к потолку, взгромоздившись на него руками и ногами. Повиснув таким способом вверх тормашками, я подполз на четвереньках к люстре.

— Как ты это делаешь?! — испуганно вопрошала мама, медленно поднимаясь с дивана с простёртыми ко мне руками, чтобы поймать меня, если я упаду.

— Я сказал волшебное слово, — ответил я с потолка.

2

Счастливое детство – это подарок, который, увы, даётся не каждому.

Став постарше, я начал задаваться вопросами, вроде того, чем я буду заниматься, когда повзрослею. Глядя на своих родителей, я приходил в тихий ужас от одной мысли, что и мне рано или поздно придётся день за днём ходить на работу за деньги, чтобы прокормить свою семью. Помнится, я впервые подумал об этом в новогоднюю ночь, когда разбирал подарки и снова чувствовал себя самым счастливым человеком. Мысль о работе ко мне тогда пришла совершенно неожиданно, как сифилис в разгар летних отпусков. Право, даже не знаю, почему я о ней вдруг подумал, срывая праздничные банты с коробок? В отличие от большинства моих сверстников, спешивших повзрослеть, я дорожил своим детством, понимая, что вечно оно не продлится. Я не хотел взрослеть, сколько себя помню, оставаясь в душе неисправимым ребёнком. Меня мало занимали взрослые тайны, терзавшие умы моих сверстников, предполагавших, что от нас скрывают много всего интересного. Внутреннее чутьё подсказывало мне – всё интересное и таинственное, в их понимании, сводилось исключительно к вопросам секса, который был запретной темой для всех детей и запросто дозволялся всем взрослым. Созерцать чужую наготу, сколько хочется, всласть её трогать... Вопросы секса меня тоже интересовали (чего тут отрицать), но не до такой степени, чтобы бездумно менять моё детство на кота в мешке. Иногда мне казалось, что у взрослых кроме нас и этого самого секса вообще ничего нет. Чему ж тут завидовать? Впоследствии я узнал, что был не так далёк от истины. Наслаждение, которое приносит секс, мне стало доступно ещё во втором классе, когда на уроке физкультуры я карабкался вверх по канату, ритмично перебирая руками и ногами, замирал на одном месте, ощущая, как зуд в паху сменяется приятной щекоткой и последующим за ней ярким всплеском удовольствия. Тогда я думал, что это удовольствие моё собственное и случайное изобретение, доступное мне одному. Своим изобретением я пользовался при любой удобной возможности по несколько раз на день, не только в школе на канате, но и дома: на тонкой отопительной трубе, на турнике и гимнастических кольцах (достаточно скрестить ноги). Изнуряя себя онанизмом, я никак не связывал моё удовольствие с удовольствием от секса, заикливаясь исключительно на самом себе.

Помню, в середине восьмидесятых выдалось жаркое лето, непривычное для наших суровых северных мест. Среди детворы поползли слухи, будто в рощице неподалёку от нашего дома лежат на траве женщины и загорают без лифчиков. Снедаемые скороспелым любопытством, мои товарищи вооружались детскими биноклями и прятались по кустам в непосредственной близости от полуобнажённых объектов, надеясь подсмотреть то, что в повседневности спрятано от их взоров одеждами. Иные захлёбывались от восторга, рассказывая нам, как им удалось подробно разглядеть в бинокль чью-нибудь голую грудь. Я тоже сделал манёвр вокруг рощи, но ничего кроме малоинтересных белых спин, подставленных скупым лучам солнца, я так и не увидел. О том, чтобы трогать чужую наготу я тогда, разумеется, не помышлял, хотя и обладал волшебным даром, но созерцать наготу мог сколько хочется. Я придумал для себя специальные невидимые очки, надев которые я начинал видеть людей совершенно нагими. Отправляясь на прогулку в своих волшебных очках, я выбирал места, где людей скапливалось побольше – магазин или автобусную остановку, – и замирал в стороне от взрослых, разглядывая во всех пикантных подробностях женские прелести (не только грудь), подсмотреть которые ни в какой роще и ни в какой бинокль моим товарищам никогда не удастся. Потом я стал поступать ещё хитрее и сам превращался в невидимку. В женской бане, куда я заглянул в первую очередь, из-за душливого пара (я-то был в одежде!), тесноты и потных тел, столкновения с которыми я едва избегал, мне совсем не понравилось. Другое дело, когда подглядываешь за объектом тебе знакомым в комфортной домашней обстановке, не отвлекаясь на посторонние детали. Из окна моей детской комнаты открывался живописный вид на мерцавший вдалеке океан, скалистые уступы и сопки с крохотными куполами обсерватории, на бухту с полосатыми кранами и севшими на ремонт кораблями, на три высокие трубы по правую сторону и на двухэтажный деревянный дом прямо по курсу, расположившийся в небольшой низине. На стене у подъезда этого деревянного дома висела железная табличка, изображавшая красного петуха, возникшего из пламени спички, которые, как известно «детям не игрушка». На втором этаже в доме напротив жила женщина, любившая перед сном натирать свои груди лимонным соком. Каждый вечер в лёгком халате она подходила к окну и задёргивала тонкие шторы. У окна она включала светильник и сбрасывала с плеч свой воздушный халат. В её руках возникал порезанный надвое лимон, который она выжимала вручную, проливая и втирая сок (моё слюноотделение моментально активизировалось) на свои чуть вздёрнутые груди, сопровождая всю процедуру созерцанием своего соблазнительного отражения в зеркальном овале, висевшем на стене у самого окна. Светильник создавал интимную обстановку, просвечивая сквозь тонкие шторы зыбкий силуэт обнажённой женщины, вечер за вечером продельвающей фокус с лимонами лишь для себя одной (как она думала). Превращаясь в невидимку, я регулярно переносился в ту комнату, созерцая вместе с женщиной её наготу из её же кресла. Она любила расхаживать по комнате голышом. Голышом она готовила на кухне ужин, голышом она разговаривала с подругами по телефону, голышом она смотрела телевизор, голышом она читала книги... Однажды я не удержался и, поддавшись игривому настроению, ущипнул лимонную прелестницу за голый круглый зад.

— Кто здесь?! — ахнула она, дико озираясь по сторонам. С ночного столика она схватила расчёску, выставив её прямо перед собой, как пистолет. Я застыл на месте, запечатав свой рот обеими руками, чтобы не рассмеяться и не выдать своего присутствия. Странное дело - когда ты невидим, тебе так и хочется за кем-нибудь подсмотреть и обязательно кого-нибудь подпугнуть. Итак, мы стояли в центре комнаты друг против друга и молчали, прислушиваясь к капающей из крана на кухне воде. Испуганные и огромные глаза женщины вперились в пустоту, как раз туда, где стоял я. «Неужели она чувствует меня?» - недоумевал я, боясь шелохнуться. Расчёска в вытянутой руке женщины дрожала у меня над головой. «На сегодня хватит, — решил я, поборов в себе искушение напугать женщину ещё раз. — Хочу домой!». Удовлетворяя своё

преждевременное сексуальное любопытство, я не забывал и про другие замечательные потребности.

Покупая в каком-нибудь магазине жвачку или шоколадный батончик, я ловил себя на мысли, что вот бы неплохо спрятаться где-нибудь в магазине и вылезти из укрытия посреди ночи, когда здесь никого нет. Как я уже говорил, в голове моей полно всякой всячины, а значит, нет ничего невозможного. Увидел, узнал, получил. Ночью я бродил по безлюдным отделам «Холкама», самого крупного в нашем городе магазина, куда с утра выстраивалась длинная очередь, брал с полок разные вкусности и утолял сполна жажду сладкого. Жевательная резинка, шоколадные батончики, арахисовое масло, фисташки, чипсы, печенье, мороженое, карамель на палочке, йогурты в неограниченном количестве попадали в мой рот и желудок, стоило мне лишь захотеть. Приглушённый свет плафонов под потолком и сигнализация на окнах – немые свидетели моего преступления. Тишину «Холкама» нарушало монотонное гудение морозильных камер и моё мерное чавканье. Удивительное ощущение, когда магазин, куда каждый мечтал попасть весь в твоём распоряжении! Потом я сообразил, что совсем необязательно создавать посредников между собой и желаемым в виде безлюдных магазинов, если можно получить всё то же самое прямо в руки или в рот без ночных прогулок в отделе сладостей. Я желал и сразу получал. Делов то!

Светлая мысль, что своё волшебство я способен обратить во благо людей посетила меня не сразу. Я наслаждался волшебством как редким даром, который я лелеял и развивал в себе, не отвлекаясь на внешние обстоятельства. Все дети по натуре эгоисты, уверенные в том, что мир взрослых вертится исключительно вокруг них, чтобы исполнялись все детские капризы и желания. Я не был исключением. Все мои пожелания исполнялись, и я не замечал нужды посторонних людей. Свой первый благородный поступок я совершил в пять лет.

Помнится, мой друг Костик провалился в сугроб, прогуливаясь вместе со мной в глухом задворке, зажатом между двумя панельными стенами пятиэтажного дома, где жил Костик. Тёплые пары от бойлерных труб, пролежавших рядом со стеной, подтопили сугроб снизу, оставив на поверхности тонкий снежный настил, к которому мы приближались. Я услышал тоненький вскрик Костика, в одно мгновение исчезнувшего у меня под ногами. Коварный снежный настил осыпался, обнажив зияющую яму, в которую провалился мой друг. Из ямы поднимался густой пар, показавшийся мне, закутанному в тёплые зимние одежды, каким-то сырым и неудобным. Я лёг на живот и осторожно подполз к яме.

— Костя, ты там? — позвал я друга.

— Да, — жалобно простонал он из темноты. — Я упал. Тут страшно. Денис, помоги мне выбраться отсюда!

— Я приведу кого-нибудь из взрослых, — сказал я, пятясь назад от ямы. — Подожди меня, ладно? Мы вытащим тебя.

— Не бросай меня! — заплакал Костик. — Денис!

— Я быстро! — пообещал я, юркнув в узкий проход между панельными стенами. Я выбрался из глухого задворка, озираясь по сторонам в поисках взрослых. Как нарочно, на площадке никого не оказалось. Все взрослые, наверно, были на работе. Я топтался у подъезда, в котором жил Костик, в полной растерянности метался у него под окнами, понимая, что драгоценные минуты уходят, а мама Костика, тучная женщина в очках, работавшая воспитателем в нашем детском саду, ничем мне сейчас помочь не может, ничего не зная о приключившемся с нами несчастье. Не встретив взрослых, я прошмыгнул обратно в узкий лаз между стенами, вернувшись к другу без обещанной подмоги.

— Денис, это ты? — едва слышно спросил Костик.

— Я, — подтвердил я, сняв перчатки. — Я тебя сам вытащу.

Я подполз на животе к яме и свесил в неё свои руки.

— Вытащи меня, пожалуйста! — взмолился Костик.

— Держись за меня, — сказал я, вдыхая тёплый пар, струящийся из тёмной ямы. Костик вцепился в мои ладони, и я, несмотря на своё хрупкое телосложение, в одну секунду вырвал его из плена, как пушинку подняв наверх.

— Спасибо тебе! — заплакал Костик от радости, обнимая меня. — Ты спас мне жизнь. Теперь ты всегда будешь моим самым-самым лучшим другом!

Спустя некоторое время, вспоминая тот эпизод с Кости́ком, ставший, пожалуй, одним из первых вестников моих дремавших способностей, я сообразил, что с таким же успехом я могу помогать всем без исключения людям, которые не потеряли надежду и продолжали верить в чудеса. Познав волшебство и опробовав свои силы в регулярных полётах, я решил переключиться на добрые дела, начав с незнакомой мне женщины, выпавшей из окна четвёртого этажа по нелепой случайности, когда развешивала на балконе бельё. Мы с друзьями топтались у подъезда, смотрели вверх на окна четвёртого этажа, оценивая высоту падения, и со священным ужасом заглядывали в лужу, в которой болтался сгусток крови, пролившейся на твёрдую землю из головы несчастной (так мне сказали). Старшие ребята посмеивались над нами, когда слышали со стороны, что будто кто-то из нас видел, как врачи уносили череп женщины. Жива она осталась или нет? — мы доподлинно не знали. Я стоял над лужей и кончиком ботинка касался тягучего кровавого пятна. Вообразив себе весь ужас, какой может испытать человек, упавший с четвёртого этажа, я зажмурил глаза и живо представил себе, что время повернуло вспять. Зеваки задом наперёд разбежались с площадки, машина скорой помощи задним ходом вернулась к подъезду, врачи спустили несчастную женщину с носилок на землю, затем ретировались, а женщина стремительно взлетела обратно на четвёртый этаж развешивать на балконе мокрое бельё.

— Осторожно, не упадите! — крикнул я женщине за секунду до трагедии.

— Ой! — едва не оступившись, вцепившись в оконную раму обеими руками, воскликнула спасённая женщина. — Зачем так пугаешь, мальчик?!

Удостоверившись, что с женщиной всё в порядке и последняя тряпка на её балконе благополучно повешена на деревянные прищепки, я поднялся на детскую площадку, уселся на качели и тихо начал что-то напевать, преисполненный распирившей меня изнутри великой радостью за свой добрый волшебный поступок.

В другой раз я помог мальчику инвалиду, жалко ковылявшему на костылях к скамейке на детской площадке. Я часто замечал, с какой горькой тоской и белой завистью наблюдает он за другими детьми, резвившимися на качелях и бегавшими друг за дружкой. Я видел, с каким отчаянным желанием он хочет играть вместе с ними, так же как они носиться по дворам сломя голову, и когда мальчик в очередной раз проковылял мимо меня, я подбежал к нему сзади и с силой выбил рукой из-под его подмышки один из костылей. Костыль шлёпнулся на землю, а мальчик уверенно остался стоять на двух своих крепких здоровых ногах.

— Попробуй, догони! — крикнул я мальчику, обогнав его. Мальчик поднял в руке второй костыль и вдруг швырнул его в песочницу подальше от себя, как совершенно ненужный ему мешающий при стремительном беге посторонний предмет, бросившись за мной вдогонку. Я то и дело оглядывался назад и подбодрял его задорными возгласами. Мы неслись вдвоём сквозь сине-зелёное лето сломя голову, залиvisto смеялись и оглушали округу отражавшимся от стен домов звонким эхо наших бегущих по дороге шагов.

Ощувив в себе достаточно сил, чтобы вмешиваться в жестокие законы суровой реальности и менять их по своему усмотрению, я отважился вступить в схватку со смертью, о которой я уже тогда начал задумываться. Рядом с нашим домом стояли водонапорные баки, куда мы с друзьями часто поднимались по железной лестнице, чтобы быстро съехать вниз по тонкой трубе. Прогуливаясь как-то за этими баками, я обнаружил в траве мёртвого котёнка. Над трупом несчастного животного роились зелёные мухи, а в его облезлом теле копошились белые черви. Я закрыл нос пальцами, стараясь не вдыхать в себя смертельный смрад. То, что котёнку

как-то можно помочь мне тогда и в голову не пришло. На следующий день я вернулся за баки, чтобы посмотреть, что осталось от котёнка. Черви и мухи знали своё дело, расправляясь с гниющей плотью не по дням, а по часам. Под осевшей шкурой животного отчётливо проглядывал скелет. Я взял валявшуюся в траве палку и сдвинул ею труп котёнка, обнажив под ним грязное пятно. Отбросив палку, я стал морщиться и вытирать руки о штаны, словно мог подцепить от палки смертельную заразу. И тут меня осенило: почему бы мне не воскресить котёнка и залечить его раны? Подумано – сделано. Зажмурив по привычке глаза, я заставил ретироваться в обратном порядке всех зелёных мух и белых червей. Тело котёнка налилось жизненными соками, поглотив страшный оскалившийся скелет, облезлая шкура котёнка вернула себе прежний здоровый блеск, и меньше чем через минуту он поднялся из травы и задом наперёд заковылял на хромоте лапах из-за баков к дороге, где на него напали свирепые псы.

— Пошли прочь!!! — рявкнул я на приготовившихся к нападению псов, замахнувшись на них палкой. Собаки залились на меня дружным лаем, но котёнка, бросившегося со всех лап наутёк, тронуть не успели.

— А ну, тихо! — скомандовал я собакам, и те умолкли, потешно и беззвучно раскрывая в немом лае зубастые пасти. Обескураженные, не слышавшие собственного гавканья собаки, будто обезумели, приблизившись ко мне в порывистых наскоках на передних лапах вплотную с очевидным намерением порвать меня в лоскуты. Я сделал глубокий вдох, наполнив воздухом вздувшуюся пузырьком грудь, как в мультике, и стремительно опустошил свои лёгкие в громогласном «Гав!», сдув всех свирепых псов, кубарем полетевших по дороге.

— Отныне сильный не обидит слабого! — победоносно провозгласил я на всю округу.

Не все мои попытки пресечь жестокие законы природы и одолеть смерть были такими удачными. Случались и нелепые в духе ночных кошмаров эпизоды. Как-то во время самой обыкновенной прогулки я набрёл на похоронную процессию. У чужого подъезда в чужом дворе стоял обитый красным плюшем гроб, рядом с которым толпились молчаливые люди с траурными лицами. В гробу лежал толстый дядька со странным разбухшим лицом малинового цвета. Музыканты держали в руках сверкавшие на солнце медные инструменты, приготовившись сыграть одну из тех музык, звуки которой всегда приводили меня в ужас. В моей голове созрел грандиозный план. Я действовал на опережение, силой мысли заставив музыкантов выдать бодрые аккорды «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам», сопроводившие медленное, но уверенное пробуждение и восстание из гроба мертвеца с малиновым лицом. Реакция людей, собравшихся на похороны и ставших невольными свидетелями чудесного воскрешения, не заставила себя долго ждать. Женщины в ужасе заверещали, иные из них хлопнулись в обморок, а позеленевшие мужчины в страхе отпрянули от очнувшегося, таранившего на них удивлённые глаза мертвеца (один из мужчин от неожиданности чуть не хватил покойника кулаком по малиновому лицу). Что тут началось! Паника, крики, звук бьющегося стекла. Ничего не понимавшие музыканты несмотря ни на что продолжали играть, не в силах остановиться, пуча вбок округлившиеся глаза и надувая пухлые щёки (ноты в их тетрадях сбивали с толку, кружась и выплывавая в причудливом танце). Такой бурной реакции я никак не ожидал. Взяв себя в руки, я зажал глаза и вернул всё на свои прежние места. Тогда я осознал — не все благие намерения заканчиваются всеобщим ликованием. И осознав это, я пошёл гулять дальше, оставляя далеко позади себя процессию и музыкантов, мгновение назад бодро игравших детскую песню про волшебника в голубом вертолёте. «К сожалению день рождения только раз в году»...

В остальном я был самым обыкновенным ребёнком, который любил гулять, рисовать, смотреть мультфильмы и заниматься спортом. Со стороны именно так всё и выглядело. Мои занятия спортом, впрочем, имели тогда успех. Я бегал лучше всех в классе, больше всех подтягивался на турнике и дальше всех прыгал в длину. «Ещё бы! — воскликнет кто-то из моих читателей. — Волшебнику все карты в руки!». Но в том-то вся штука, что к моим занятиям спортом я не применял никакого волшебства. Уж поверьте на слово бывшему октябрёнку. С

пяти лет я висел на перекладине и поднимал отцовские гантели. Над кроватью у меня красовались фотографии культуристов, напряжённые бицепсы которых разбухали на глазах и наводили на мысль, что в руках под кожей у культуристов вшиты ровные валуны, предварительно прокипячённые для стерильности (именно так мне порою казалось). Желая обзавестись такими же бицепсами, я часами пытался на гимнастических кольцах и на «шведской стенке», поминутно проверяя прирост мышечной массы в искомых местах. На моих тощих руках коварные бицепсы появляться отказывались наотрез. Я не сдавался и продолжал пытать, пока в один прекрасный день под моим напряжённым скошенным вправо взглядом бицепс всё-таки набух. Радости моей не было предела. Я поочерёдно сгибал обе руки, предлагая друзьям пощупать упругую мышцу, мозолю набитую многочасовыми упорными тренировками. Так погоня за бицепсами сделала меня первым спортсменом в школе. Я с лёгкостью выполнял нормативы, которые не каждый старшеклассник или новобранец осилит. Играючи я побеждал во всех марафонах и состязаниях, поражая учителей и одноклассников своей выносливостью, никак не вязавшейся с моей худобой. Мне вручали грамоты и ставили меня в пример. Когда я начинал подтягиваться все собирались в кружок и хором отсчитывали мои рывки. Обычно я доходил до двадцати, после чего спрыгивал с перекладины с неизменным, преисполненным неподдельной скромностью:

— Довольно.

Хотя все понимали, что при желании я мог бы подтянуться и тридцать раз. Выставляться перед товарищами я не хотел. Я всегда краснел до ушей, когда меня нахваливали после очередной победы. Узнав о своём волшебном даре, я не изменил принципам спорта, ведь в противном случае мне пришлось бы сделать волшебниками всех остальных, чтобы затем в здоровой конкуренции равных сверхчеловеческих возможностей выявить победителя. Нелепо получается. В чём смысл побеждать благодаря волшебству, если ты уже победитель?

Совсем другое дело заставлять дымящийся на горизонте вулкан пускать в небо гигантские дымные кольца, какими обычно хвастают курильщики. К тому времени у меня подросли двоюродные братья – Сергей и Валера, – с которыми я проводил большую часть времени. Для них я всегда был настоящим волшебником. Двоюродные братья верили в меня и полагали, что я способен если не на всё, то на очень многое. В лесу на дачном посёлке у нас имелось своё тайное место с тарзанкой, с боксёрской грушей, уютным шалашом и поляной для игр. Там-то, качаясь на тарзанке, я открыл им свой главный секрет, рассказав, что не обязательно утруждать себя и покупать какую-то вещь за деньги, если ты уже о ней знаешь и держишь её в своей голове. Вряд ли они тогда меня поняли: надо самому сделать какое-то открытие, чтобы понять его суть до самого конца. В любом случае, моё открытие оставалось со мной и никоим образом не подвергало себя сомнению, даже если бы я от него отрёкся...

С Валеркой и Серёгой мы создали свой мир – один на троих. Мы много рисовали, любили смотреть фильмы с Брюсом Ли, слушали рок-музыку и придумали собственную группу, записав на кассету через магнитофон кучу разных забавных песен, которые мы потом исполняли живьём длинными летними вечерами на даче. Песни сочинялись на ходу и записывались без помощи каких-либо инструментов одними лишь шумовыми эффектами, издаваемыми ртом в те славные времена, когда понятия «бит-бокс» ещё не существовало. На правах старшего брата я руководил всем процессом, решая, какую песню оставить, а какую стереть. В своём мире мы чувствовали себя совершенно свободными и счастливыми, не зная сомнений и тревог взрослых...

Случилось как-то землетрясение – явление обычное в наших краях. Мы затаились втроём в темноте, настороженно прислушиваясь к звеневшим на чёрном пианино бокалам и люстре на потолке, ощущая животом, как подрагивает пятиэтажный панельный дом.

— Успокойтесь, сейчас пройдёт, — сказал я, спрыгнув с постели и раздвинув красные шторы. — Чем бояться, лучше полюбуйте на эту красоту.

Подземные толчки прекратились. Мы прильнули к окну и стали наблюдать за тем, как извергается ночью вулкан. Полоска алой лавы давно перелилась через кратер и теперь ползла по заснеженному боку кровоточащего исполина, выплёвывавшего в небо из своей кипящей утробы огненные камни, которые у нас называют «бомбами».

— Красиво, — произнёс я шёпотом, наслаждаясь редким зрелищем.

— Красиво, — тоже шёпотом, дабы не нарушать таинства происходящего, эхом вторил Сергей. Огненные бомбы стремительно вырывались из недр адской печи вулкана, озаряя чёрное ночное небо яркими вспышками и осыпаясь катящимися к подножью в рое жгучих искр головёшками; река лавы, казалось, стояла на месте, достигнув от кратера середины, но между тем она медленно и неумолимо ползла вниз, мерцая и вспыхивая раскаленной жижей; застывший по-соседству вулкан-великан проступал в темноте в зареве бомб угрюмой складчатой пирамидой... Я очень пожалел, что у нас не было с собой видеокамеры. Имевшаяся у меня в запасе пачка моментального «Поляроида» для тонких ночных цветопередач совсем не годилась, ведь даже трёхцветный из розового, золотистого и зелёного закат за чёрно-синим контуром кочегарки, который я постоянно зарисовывал в тетрадь, не желал запечатлеться на снимке, и потому я наколдовал себе видеокамеру, мгновенно зафиксировав всю красоту извержения вулкана.

— Завтра я остановлю вулкан, — сказал я, ощутив в себе прилив чудодейственных сил.

«Вот кем я стану, когда повзрослею! — озарило меня. — Профессия «волшебник». Почему бы и нет?».

С чувством единоличного превосходства над необузданной природной стихией, я бесстрашно ухмыльнулся в окно и решительно задёрнул шторы, запрыгнув обратно под верблюжье одеяло.

К утру вулкан уgomонился...

3

Не убивайте в себе ребёнка, господа!

Вместе со своими двоюродными братьями я любил отдыхать на даче, которую дедушка построил специально для наших трёх семей. Вначале был обычный дачный участок с огородами и контейнером для хозяйственного инвентаря. Постепенно на участке построили сарай с туалетом, затем возвели теплицу, выкопали колодец, а потом вырос двухэтажный красавец дом. Многим нравилась наша дача, и многие хотели её у дедушки перекупить. Он всем отказывал, мечтая, как мы станем взрослыми и будем приезжать сюда уже со своими внуками. Дача наша располагалась в лесном массиве, где я со своими братцами пропадал с утра до вечера. Я любил лес и хорошо чувствовал его. В лесу мы собирали грибы, ягоду и черемшу. Мне везло с грибами, до которых я был большой охотник. Боровики, обабки, подосиновики... Бабушка отмачивали мой улов в тазике с солёной водой и жарила с картошкой. Обьединение! Из ягод больше всего мне нравилась жимолость, которую я ел с щедрых кустов горстями, окрашивая руки в бардовый цвет. Наши дальневосточные леса не скупятся на подарки! Ещё мы любили проверять свою выносливость муравейником. Проверка осуществлялась так — мы обнажали свои руки по локоть и опускали их прямо на живой муравейник, подвергаясь при этом немилосердному обстрелу кислотой (кто дольше вытерпел десятки укусов, тот и победил). Со временем мы с братцами разбили себе в лесу полянку, сделав её своим тайным местом с шалашом, скамейкой, с тарзанкой на дереве и боксёрской грушей из набитого песком коричневого мяча. О нашем тайном месте знала лишь бабушка, частенько захаживавшая к нам в гости.

— Как здорово вы всё здесь сделали! — нахваливала она нас. — Даже не верится, что полянку расчистили дети.

— Потрудились на славу, — говорили мы, вспоминая, как стучал топор и летели щепки.

У шалаша мы разводили костры и запекали в углях картошку. Днями напролёт мы катались на тарзанке, боксировали грушу и загорали на полянке голышом. В нашем тайном месте мы чувствовали себя абсолютно свободными и могли валять полного дурака. Напевая любимые песни группы «Queen», мы забывали про школу, про уроки и наслаждались казавшимися бесконечными летними каникулами.

Не отставая от взрослых, на даче мы обзавелись собственными грядками, разбив себе небольшой участок земли, на котором мы высаживали зелёный горошек, белокочанную капусту, картофель, морковь и редис. У каждого своя грядка и своё огородное пугало, одетое в старые одежды, с нацарапанными гвоздём на кусках толи страшными физиономиями. За грядками ухаживали добросовестно: весной покрывали рассаду клеёнкой, летом обильно поливали и постоянно пропалывали землю, а осенью собирали в просторные пакеты полученный урожай (со своей грядки овощи всегда вкуснее!). Аппетит на природе разыгрывался отменный — за обе щеки мы уплетали варёную картошку с тушёнкой, фирменный бабушкин пирог с красной рыбой и прихлёбывали из железных кружек сладкий-сладкий чай. Днями напролёт я лазал по деревьям, прыгал с контейнера в кучу с песком и гонял по дачной дороге на велосипеде, к багажнику которого я прицепил удобное сидение, чтобы катать младшего Валерку. Серёга не поспевал на своём трёхколёсном за моим «Школьником», довольствуясь заездами на короткие дистанции.

Больше всего я любил те дни, когда мы оставались на даче с ночёвкой. Вечером я разжигал большой костёр, через который мы с братцами поочередно прыгали. Сняв с себя майки, мы скакали у костра, били в железный бубен и горланили забавные песни. После шаманских плясок ближе к полуночи вместе с бабушкой отправлялись на прогулку до конца дачной дороги и обратно. Мы поглядывали на чужие дома и сравнивали их с нашим, неизменно ставя свой дом на первое место. По горящему в окнах электрическому свету мы определяли таких же, как мы ночёвщиков, коих в нашем дачном посёлке набиралось совсем немного (два-три дома с горящими окнами). Перед сном, лёжа кто на диване, кто на раскладушке рассказывали в темноте страшные истории, иногда переходившие в гомерический хохот. Когда в комнате повисала тишина, я долго смотрел на качающиеся стволы берёз за окном, на тёмный лес за огородами, и моё воображение рисовало мне зверей-оборотней, шастающих по лесу. Ночь казалась белой. Медведь таился прямо под окном и заглядывал в нашу комнату, выставив за тонким стеклом свою огромную морду. Я медленно засыпал...

С утра пораньше мы с дедушкой отправлялись в лес по грибы, взяв палки и корзину. Искушенные комарами и по колено мокрые от росы, мы возвращались с уловом к завтраку, обеспечив всем сытный обед из жареной картошки с грибами. Днём наши мамы пропалывали и окучивали картошку, пока мужчины подбивали в доме потолок на втором этаже, заколачивая мне проход на чердак с треугольным мутным оконцем, куда я частенько забирался. Я тоже внёс скромную лепту в общее дело, срезав пилой длинный кол между грядками, о который постоянно все спотыкались и который не смогли одолеть лопатами мужчины. Мы с братцами тоже занимались не менее важными делами: наслаждались природой, заслушивали до дыр кассеты с записями «Queen», загорали голышом на крыше сарая, катались на велосипедах и лазали на контейнер.

Помню, прыгал я с контейнера в кучу с песком, поглядывая на берёзу за грядками со свеклой. «Вот бы взять и полететь над этой берёзой, касаясь её верхушки животом», — подумал я тогда, замерев на краю контейнера. Как нарочно над головой прожужжал самолёт, выпустив в ясное голубое небо россыпь белых парашютов, похожих на зонтики одуванчика. Соблазн столь велик, и мои братцы как раз удалились в дом. Я махнул рукой и разбежался, пружинисто оттолкнувшись от контейнера и мягко взмыв над землёй. Я плыл по тёплому воздуху, словно в озере, поднявшись над берёзой и коснувшись животом её верхушки. Осуществив задуманное,

я покружил над теплицей и колодцем, после чего стал набирать высоту и скорость, решив полетать над лесом вместе с парашютистами. Расправив руки и ноги широко в стороны, я взмыл к солнцу морской звездой и завертелся штопором, ввинчиваясь в горячие воздушные массы. Краем глаза я заметил трёх парашютистов в шлемах и в очках, которые заметили и меня – на мгновение я замер в небе, усугубляя мираж, пригрезившийся парашютистам, помахал им рукой и стремительно пошёл на снижение, выполняя в воздухе сложные акробатические кульбиты. Увидев в лесу под собой знакомые мне останки кабины от военного самолёта, я сделал в воздухе последний кувырок и мягко опустился на землю, как балерина, коснувшись её пальцами ног. Я подошёл к кабине и с лёгкостью подтолкнул её – Валерка с Серёгой тоже здесь бывали и забирались вместе со мной в кабину, раскачивая её изнутри ногами. «Я сам себе самолёт, — улыбался я, шурясь на солнце. — О чём сейчас думают парашютисты?». В этот момент у меня за спиной хрустнули ветки и зашелестела листва. Не придав звукам особого значения, я спокойно, с улыбкой до ушей, обернулся назад... и обомлел. Глупая улыбка так и застыла на моих дрогнувших губах. Крупный бурый медведь вышел из молодого березняка и напрямик заковылял ко мне. В панике я попятился назад, споткнулся о какой-то трухлявый пенёк и повалился на спину. Косолапый замер и принюхался к запахам, исходившим от меня (смешно сказать: лишь чудом мне удалось избежать приступа «медвежьей болезни»). Косолапый угрожающе зарычал и резво сорвался с места прямо на меня. Подобной прыти от такого жирдяя я никак не ожидал! Страх был столь велик и внезапен, что я даже забыл о своих фантастических способностях к полётам и не воспользовался ими. Зато я инстинктивно подскочил на ноги и поднял обе руки высоко над собой. Бурый медведь как вкопанный встал в пяти шагах от меня, встретив на своём пути нежданную преграду в виде своего собрата, вдвое превышавшего по размерам его самого. Воинственно поднявшись на задние лапы, громила оскалил острые зубы, зашевелил своими губищами и на весь лес утробно зарычал. Нападавший на меня медведь ступевался и виновато мотнул головой. Его бурый противник стоял на двух лапах в полный рост и медленно наступал. Поколебавшись, косолапый принял единственно верное для себя решение – ретировался пока цел. Он скрылся в молодом березняке, шурша листвой и шибко улепётывая в лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.